

О М Е Н А
— Ленинград

143 Режиссер

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ Григорий

БМ. Никулин

Герой появляется на сцене с непринужденным поклоном в сторону публики. В руке у него шляпа, на боку шпага; его наряд и манеры безукоризненны.

Чувства и речи героя полны возвышенного благородства; он сверкает подведенными глазами, в трогательных выражениях повествует о своих необычайных страданиях, предлагает себя для свершения подвига.

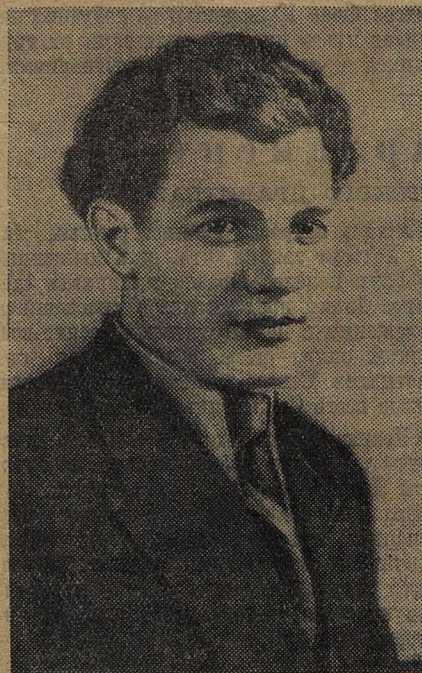
Характерной чертой этого героя является его, так сказать, сюжетная вялость: он почти никак не влияет на развитие действия; его назначение — «украшать» спектакль «благородными» репликами и эффектными выходами.

В театральной среде этот герой получил название «голубого» — за то, вероятно, что роль его проходит ровно и плавно, словно и впрямь разматывается голубая лента...

Когда Григорий Никулин перечел комедию Гольдони «Слуга двух господ», он обнаружил в ней сразу двух «голубых» героев. В другое время это обстоятельство не очень бы его тронуло, но теперь оно заставило призадуматься. Дело в том, что постановка этой пьесы на сцене Большого драматического театра имени Горького мыслилась как его дипломная работа и должна была стать серьезной проверкой творческой зрелости молодого режиссера, еще, собственно, не успевшего покинуть институтской скамьи.

Постановка знаменитой комедии именно в этом театре затруднялась тем, что за последние пятнадцать лет она была осуществлена здесь трижды режиссерами с громкими именами. В одной из них блистал несравненный Труффальдино — Монахов, отточенное мастерство которого безраздельно завоевывало симпатии зрителей.

Никулин хорошо это знал, и это было первое, что пришло ему в голову после прочтения пьесы.

Григорий Никулин

«Вот тут и попробуй, поставь!» — подумал он, барабанив пальцами по обложке книги с изображением арлекина в голубой маске. У молодого режиссера был, правда, довольно легкий выход, к которому его даже склоняли руководители театра: просто напросто восстановить одну из прежних постановок, и этот спектакль будет ему зачтен как дипломная работа. На короткий миг Никулин был готов поддаться соблазну, но беспокойный дух творчества запротестовал в нем.

К началу работы с актерами план спектакля в основных чертах уже созрел у Никулина. На сцене предстанет не пышная «царица Адриатики», с ее «Банале

Гранде» и дворцами богатей, а Венеция завоулков, узких каналчиков, гондольеров и ремесленников. Ведь таков был и искаженный позднейшими истолкователями замысел автора комедии — бедного адвоката Карло Гольдони, всю жизнь отстаивавшего реализм и народность итальянского театра.

«Его сказал «а», должен сказать «б» — гласит старинная поговорка. Такое изменение сценической обстановки потребовало демократизации всего спектакля. Для этого нужно было отказаться от игры на одного Труффальдино, как делалось в прежних постановках, и распространить «сквозное» действие на всех персонажей.

Это обещало придать стройность и слаженность всему спектаклю.

Тут-то и совершилась «расправа» над «голубыми» героями. Тонко и умело вскрывал молодой режиссер возможности, заложенные в тексте, терпеливо добивался от актеров выразительности интонаций и жестов, которые подчеркивают нужный смысл и доносят его до зрителей. Один из «голубых» героев — Сильвио — получил спутников — пару наемных бреттеров колоритной внешности, усиливающих эпизоды энергичными мимическими сценами.

В трактовке Никулина роли Сильвио и Флориндо потеряли «голубизну» и впервые приобрели динамичность и своеобразие.

Изобретая способы борьбы с «голубыми» ролями, Никулин нашел прием, с помощью которого ему удалось провести ватагу «второстепенных» слуг через все действие. Получилась яркая, брызжущая весельем и юмором интермедия, как бы опоясывающая спектакль...

Актеры во главе с Никулиным собрались для чтения комедии. Ожидали исполнителя роли Труффальдино — Михаила Васильевича Иванова, который несколько запаздывал. Внезапно дверь с шумом рас-

пахнулась, и на середину комнаты стремительно влетел ожидаемый артист, развязно, словно арлекин, жестикулируя.

— Мое вам низжайшее почтение, синьоры, — вскричал он, нагло оглядывая собравшихся. — Какое прекрасное общество!

После непродолжительного молчания актеры ответили на это приветствие громким хохотом. Смеялся и Никулин. Успокоившись, он сказал Иванову:

— Это ваше последнее прощание, преждему Труффальдино. В нашем спектакле он будет совсем другим.

Настороженно и недоверчиво воспринимал опытный актер слова режиссера-дебютанта, разглагольствовавшего о представлении об образе, с которым Михаил Васильевич сжился за долгие годы сценической деятельности.

А Никулин добивался своего. На репетициях он частенько говорил Иванову:

— Вы привыкли играть блестящего наглеца, словно только что выскочившего из «плутовского» романа. Он очень ловок, ему везет, и на этом основании он свысока относится к людям. Разорвите же с ним, наконец, подумайте о том, что не мог любить такого героя Гольдони, сам вышедший из простого народа.

И Михаил Васильевич напряженно думал. Чутьем талантливого актера он постиг замысел Никулина. От репетиции к репетиции все яснее проступали симпатичные черты деревенского парня из долины Бергамо, жители которой «не могут лгать», как отмечает один из персонажей комедии. К обоюдному удовлетворению актера и режиссера и всего коллектива, занятого в спектакле, режиссер и режиссеры высывались уши Труффальдино старых постановок. Иванов вошел в новый образ.

Труффальдино, каким его играет актер теперь, чист душой, искренен и правдив. В нем нет и тени того самодовольства и наглости, которыми еще так недавно его наделяли исполнители. Например, первая его реплика: «Мое почтение, синьоры...» — звучит даже несколько робко, и эта интонация сразу внушает зрителю сочувствие.

По-новому относится Труффальдино — Иванов к своей возлюбленной. Типично

лакейская манера «ухаживания» с традиционными щипками, плепками и скабрёзностями сменяется поллиной теплотой и лиризмом. Смеральдина близка и дорога ему как человек. Может быть, впервые за всю историю комедии сцены Труффальдино и Смеральдина проходят теперь без кривых улыбочек в зрительном зале...

Идет премьера спектакля. Переполненный зал гудит взволнованно и благодарно. В антракте Никулин заходит в уборную Михаила Васильевича.

— Ну, довольны ли вы возрождением нашего общего друга? — спрашивает он актера.

— Знаете — очень! Таким я полюбил его гораздо больше, — отвечает Иванов и, повернувшись к Никулину почти лирическое гримасой лица, добавляет: — А главное, у меня совсем пропало ощущение сценической игры; мне не нужно «делать» образа, потому что Труффальдино — это я сам. И только аплодисменты напоминают, что я в театре.

Первый спектакль, поставленный молодым режиссером, заслуженно получил высокую оценку. Сейчас «Слуга двух господ» снимается в киностудии «Ленфильм», и через несколько месяцев веселый Труффальдино будет улыбаться с экрана жителям далекой Камчатки, хлопководам Узбекистана, рыбакам Латвии.

Обстановка деловой суеты, в которую Никулин окунулся на «Ленфильме», напомнила ему юношескую мечту — стать режиссером кино. Вспомнились горячие споры с одноклассниками, походы по три раза в день на «Чапаяева», ночные бдения над книгами известных мастеров экрана.

Поступить в Государственный институт кинематографии Никулину помешала война. Летом 1941 года он был зачислен в летную школу, а через несколько месяцев молодой пилот встретился над родной Кубанью с немецкими «ассами».

В одном из воздушных боев самолет Никулина был сбит.

В госпитале он вновь принялся за изучение литературы о кино. Попутно он прочел множество книг, написанных театральными актерами и режиссерами.

После выздоровления Никулин служил

в частях, расположенных на территории Германии. Здесь он получил возможность ближе ознакомиться с продукцией западных кинематографистов. Молодой офицер наглядно убедился в том, что буржуазное кино, как и другие отрасли искусства, находится в состоянии упадка и разложения. Тем радостнее ощущал Никулин силу и жизнеспособность нашего молодого советского искусства.

Демобилизовавшись в 1948 году, недавний воин приехал в Москву, чтобы сдавать приемные экзамены в Государственный институт кинематографии. Судьба свела его с одним из талантливейших актеров нашей страны — Н. П. Охлопковым. В беседе, которая сложилась как-то неожиданно задушевно, Охлопков убедил Никулина, что истоком актерского искусства, связанного со зрителем живым словом, является сцена, театр.

Никулин оказался в Ленинградском театральном институте имени А. Н. Островского. Дальнейшее привело его в Большой драматический театр в качестве дипломанта-постановщика, а затем и штатного режиссера.

После «Слуги двух господ» удачно испытал свои силы Никулин и на советских пьесах. Вместе с заслуженной артисткой республики О. Г. Казико он поставил в Большом драматическом комедию С. Аленина «Строгая девушка». Действуя подчас вопреки замыслу автора, молодому режиссеру удалось отсечь «производительную» тему на второй план и выразительно подчеркнуть тему человеческих отношений. Насколько это позволяет материал пьесы, в спектакле действуют характеры.

— Характер — это то, ради чего существует театр, — увлекаясь, говорит Никулин, — именно поэтому чуть не с детства у меня мечта поставить шекспировскую пьесу. «Ромео и Джульетта» — у меня здесь, — слегка краснея, он прикасается рукой к груди. — Ну, а если бы наши драматурги теперь написали пьесу, в которой действовали бы глубокие и правдивые характеры советских людей, — в пояс бы поклонился за такую пьесу.

А. БЕЛОСЕЛЬСКИЙ